

УДК 821.581:[141.7:17.022.1]

ЭТИКА ДОБРА В ЕВРОПЕЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ДРЕВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ ТЕКСТОВ)

Н. Л. Сержант,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и зарубежной литературы Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка
ORCID: <https://orcid.org/0009-008-7711-7342>;

Чжан Шуй,

магистрант кафедры белорусской и зарубежной литературы Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-5700-8933>

Поступила в редакцию 21.03.2025.

UDC 821.581:[141.7:17.022.1]

ETHICS OF GOODNESS IN EUROPEAN AND CHINESE CULTURE (ON THE EXAMPLE OF ANCIENT AND MODERN TEXTS)

N. Serzhant,

PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Belarusian and Foreign Literature, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
ORCID: <https://orcid.org/0009-008-7711-7342>;

Zhang Shui,

Master's student of the Department of Belarusian and Foreign Literature, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-5700-8933>

Received on 21.03.2025.

Этика добра представляет интерес не только как основа нравственного сознания социума, но и как феномен нравственно-этической составляющей художественной литературы. В статье дано определение концепции добра и осмыслено ее значение для европейской и китайской традиционной культуры. Основное внимание уделено интерпретации этической концепции добра в дихотомии добра и зла, являющейся фундаментом нравственного сознания любого сообщества; рассмотрены аспекты воплощения этики добра в конфуцианстве, даосизме и буддизме; прослежена специфика художественного выявления феноменов добра и зла в проблематике художественных произведений современной китайской литературы, романах Лао Шэ «Рикша» и Юй Хуа «Жить»; обозначена преемственность и специфические черты репрезентации добра как основы гуманистической традиционной этики китайской культуры и трансформация традиции в европейской культуре.

Ключевые слова: этика добра, добро и зло, этическая концепция, культурные традиции, европейская культура и литература, древняя китайская философия и литература, Конфуций, Лао Цзы, Лао Шэ, «Рикша», Юй Хуа, «Жить», гуманистическая традиция.

The ethics of goodness is of interest not only as the basis of moral consciousness of society, but also as a phenomenon of moral and ethical component of fiction. The article presents the definition of the concept of goodness and comprehends its significance for European and Chinese traditional culture. The main attention is paid to the interpretation of the ethical concept of good in the dichotomy of good and evil, which is the foundation of moral consciousness of any community; aspects of the embodiment of the ethics of good in Confucianism, Taoism and Buddhism are considered; the specificity of artistic revealing of the phenomena of good and evil in the problems of artistic works of modern Chinese literature, Lao She's novels "Riksha" and Yu Hua's "To Live" was traced; the continuity and specific features of the representation of good as the basis of humanistic traditional ethics of Chinese culture and the transformation of the tradition in European culture were outlined.

Keywords: good ethics, good and evil, ethical concept, cultural traditions, European culture and literature, ancient Chinese philosophy and literature, Confucius, Lao Tzu, Lao She, "Riksha", Yu Hua, "Living", humanist tradition.

Введение. Этика добра традиционно воплощена в философии, религии, социологии и культуре народов мира. Наиболее полное выражение этические концепции добра нашли в произведениях искусства и литературы. Неизбежная противоположность добру – зло, которое приводит к дегуманизации и деградации, является принципом определения добра. В большинстве культур эта дихотомия репрезентирует мировой порядок и на концептуальном уровне утверждает необходимость добродетели.

Совершенно ясно, что бинарная оценочная ориентация добро/зло в универсуме субъективна. В природе никакого объективного добра

и зла не существует в принципе.¹ То, что для одного вида является добром, для другого может считаться злом. У людей добро, благо – это то, что в наибольшей мере отвечает интересам конкретного человека, конкретной человеческой группы [1]. Представляется, что «социокультурным интересам любых человеческих коллективов соответствует повышение качества группового взаимодействия и коммуницирования, что

¹ Следует учесть, что оппозицию добро/зло нельзя соотносить с традиционной китайской дуалистической оппозицией инь/ян, отражающей этап исходного космогенеза, а не противоположности социального поведения.

повышает уровень социальной эффективности этого взаимодействия и коммуницирования. Призывы к социальному согласию внутри коллектива пронизывают культуры всех человеческих сообществ» [2, с. 18]. Поэтому этика добра, вырабатываемая культурами различных обществ, в конечном итоге формирует качество социального согласия и успешной коммуникации сообщества. Исследования мировой гуманитарной мысли преследуют цель нахождения общего определения добра и зла, универсально приемлемого для всех. Однако важно также понять и выявить особенности разных представлений о социальном благе и его смысловом антипode – социальном зле, характерном для разных типов культур, разных исторических эпох и разных социальных общностей. Это делается с целью систематизации подобных представлений и нахождения смысловых взаимосвязей между социокультурными интересами разных исторических феноменов [2].

Культура считается одним из наиболее многофункциональных и универсальных проявлений человеческого опыта. Трудно назвать сферу человеческой активности, на которую культура не оказывала бы прямого или опосредованного воздействия. Этика добра в этом функциональном многообразии проявляется практически во всех сферах культуры и является ее самой универсальной смысловой установкой, регулирующей человеческую жизнь. Различение добра и зла, хорошего и плохого, правильного и неправильного, полезного и вредного, одобряемого и осуждаемого основательно исследовано историками человеческой цивилизации и гуманитарной культуры [3].

Добро и зло выступают фундаментальными категориями в анализе человеческого общества, государства, больших и малых групп, семьи и конкретного человека. Большую актуальность осмысление соотношения добра и зла получает в пороговые периоды, в периоды трансформации, когда происходит резкая смена устоявшихся, привычных ценностей и возникают или внедряются в сознание новые ценности, что чревато дезориентацией в понимании добра и зла, разрывом объективного понимания философских, этических категорий с субъективным их истолкованием и трансляцией [4].

Основная часть. Одним из важных факторов формирования этики добра в той или иной культуре является художественная литература, и опыт прочтения, популяризации и канонизации тех или иных текстов влияет в конечном итоге на аксиологический дискурс и представления о добродетели в конкретном сообществе и на общечеловеческом уровне в целом.

Известно, что тема добра и зла – вечная тема мировой литературы. В европейской культуре она генетически восходит к христианским морально-этическим принципам и установкам религиозного вероучения, Библии и богословской

литературе. Вся последующая словесная культура так или иначе апеллирует к христианским ценностным ориентирам: в литературе четко прописывается, что такое «хорошо», и что такое «плохо», где – зло, где – добро. Это отражено и в произведениях устного народного творчества, средневековых героических эпосах, различных жанрах поэзии, рыцарском романе. В эпоху Просвещения возникают тенденции подвергать сомнению твердый этический стержень библейского учения о добре. В своей гениальной трагедии «Фауст» Гете позволяет утвердить нечистой силе мысль: «я – часть той силы, что вечно хочет зла, но совершает благо», одновременно показывая борьбу дьявольского/злого и божественного/добраго в душе героя. Под «дьявольским» понимаются не только силы зла, но и неверие человека (и всего человечества) в свои силы, самоограниченность, пессимизм. «Божественное» – это дерзновенный дух открытий, подвигов, творчества. Это созидание, вечная неудовлетворенность собой и окружающим миром, желание сделать жизнь лучше определяют представления о добре в эпоху Просвещения и в культуре романтизма XIX в., меняя вектор художественной интерпретации традиционной ценностной парадигмы. Под влиянием революционных и демократических преобразований, секуляризации общественных институтов, прошедших практически во всех странах Европы, в культурном дискурсе рубежа XIX–XX вв. все чаще наблюдается ослабление утвердительной позиции добра в её христианской семантике и демонстрируется позитивный статус «демонического». Это отражено не только в романтизации и эстетизации, мягко говоря, размытых нравственно-этических ориентиров эпохи модернизма, но и в общем идеологическом брожении европейского сознания. Трагический гений Ницше, позитивистская доктрина, духовный поиск Толстого – яркие подтверждения этого процесса. Эстетический плюрализм, амбивалентность понятий открывают перспективу для множественных интерпретаций и этических конструктов порой в пределах одного текста. Стоит, конечно, учитывать, что художественное мышление предполагает интенции другого рода, нежели поучительные концепты какого бы то ни было учения о добродетели. Авторский вымысел, творческая игра – по сути явления противоположные этому.

М. Булгаков, например, развивает фаустианско-демоническую идею в романе «Мастер и Маргарита». Эпиграфом к роману являются упомянутые выше строки Гете, они помогают понять авторскую мысль: разоблачая зло, Воланд тем самым служит добру и красоте, то есть восстанавливает равновесие между добром и злом в мире и погрязшей в мнимых идеологических дебрях Москве начала XX в., что выражено особой композиционной структурой романа. Однако нельзя не заметить, что «добро с кулаками» в романе явно противоречит классической хри-

стианской этике добра, что стало причиной регулярной неодобрительной критики и оценки произведения М. Булгакова и всех попыток его интерпретации в театре и кино со стороны представителей православной церкви.

Неисчерпаемым источником размышлений о добре и зле в русле традиционных христианских моделей этики являются романы Ф. Достоевского, в которых представлена не только сложная диалектика этих категорий, но и неизбежное утверждение превосходства и необходимости добра как высшей добродетели Человека в духе глубоко искренней личной веры автора в искупительную силу Христа, что также было созвучно идейным исканиям и сомнениям молодого поколения России второй половины XIX в. Последующая и русская, и западноевропейская литература характеризуются изменением и сокращением апелляции к этике добра в русле традиционных ценностей, сосредотачиваясь больше на поиске эстетических вариантов воплощения этической проблематики в парадигме авангарда и постмодернизма. Культура и литература европейских стран XX–XXI столетий становится все более независимой от традиционных этических ориентиров, выработанных на протяжении двухтысячелетней истории мирового христианства, предлагая трансформированные индивидуальные или групповые этические концепты в духе новых веяний либерализма.

В восточной культуре наблюдается иная ситуация. Не погружаясь в культурно-исторические подробности и обоснования, попробуем рассмотреть специфику репрезентации этики добра сквозь призму дихотомии добро/зло в древней китайской философии и современной китайской литературе. Наиболее характерными текстами, воплощающими аспекты традиционной китайской этики в данном ключе, являются древние классические произведения «Лунь юй» Конфуция (Изречения и суждения Конфуция), «Дао Дэ Цзин» Лао Цзы, и выбранные нами для сравнения, наиболее известные европейскому читателю романы XX в., Лао Шэ «Рикша» (1936) и Юй Хуа «Жить» (1992).

Произведения китайской литературы, будь то древние стихи и драмы или современные романы и эссе, глубоко отражают понимание и исследование китайским народом этики добра. От макроскопической истории до микроскопического личного опыта противостояние добра и зла всегда было одной из тем, волнующих человека. От древней «Лунь юй» до современных произведений Лао Шэ «Рикша» и Юй Хуа «Жить» наблюдаются глубокие размышления авторов о человеческой морали, добре и зле.

«Лунь юй» [5] – одно из ключевых произведений конфуцианской классики, содержащее богатые этические и моральные мысли. Среди них концепция добра и зла является одной из важных тем. В «Лунь юй» Конфуций и его ученики подробно обсуждают и объясняют свои взгляды

на суть добра в русле пяти основных добродетелей, которыми должен обладать «благородный муж» (гуманный человек): «жэнь» (человечность), «и» (справедливость), «ли» (идеальное поведение), «жи» (мудрость), «синь» (верность). Конфуций отметил наивысшую из пяти добродетелей, понятие «жэнь», как проявление истинной человечности, уважения и любви к другим. Он считал, что «жэнь» – это высшее состояние добра, призывал быть добрыми с другими, считая, что это самые основные моральные отношения между людьми. Конфуций полагал, что только благодаря доброжелательному сердцу можно достичь социальной гармонии и стабильности. Также к наивысшим постоянствам Конфуций отнес понятие «и» (следование этике справедливости, долгу и честности) и считал эту добродетель главным критерием поступков и поведения человека. Он выступал за то, чтобы в своих поступках «благородный муж» (гуманный человек) следовал принципам честности и справедливости и не нарушал моральные нормы. По мнению Конфуция, «и» – это способ достижения добра и, если руководствоваться правилами «не делай другому того, чего не желаешь себе» и «при виде достойного человека думай о том, чтобы сравняться с ним, а при виде недостойного исследуй самого себя (из опасения, как бы у тебя не было таких же недостатков)», можно достичь морального совершенства [5].

Лао Цзы в «Дао Дэ Цзин» [6] подчеркивал, что природа должна идти своим чередом, не нарушая действия естественных законов. Взгляд даосизма на добро и зло отражается в его уважении к жизни и природе. В «Дао Дэ Цзин» Лао Цзы сказал: «Когда устранили великое Дао, появилось «человеколюбие» и «справедливость». Когда появилось мудрствование, возникло и великое лицемерие. Когда шесть родственников в раздоре, тогда появляются «сыновья почтительность» и «отцовская любовь». Когда в государстве царит беспорядок, тогда появляются «верные слуги» [6]. Это означает, что истинное добро заключается в реализации Дао, а не в рукотворном доброжелательстве, праведности и нравственности.

Буддийский взгляд на добро и зло, также характерный китайской культурной традиции, главным образом отражен в теории кармы и возмездия. Буддистский взгляд говорит, что действия человека приведут к соответствующим результатам, это так называемая карма. Добро относится к вещам, которые приносят пользу другим и способствуют духовной практике, тогда как зло относится к вещам, которые вредят другим и препятствуют духовной практике. Добрые дела принесут хорошие результаты, а плохие – плохие последствия. В «Алмазной сутре» Будда говорил: «Как на сновидение, иллюзию, как на отражение и пузыри на воде, как на росу и молнию, так следует смотреть на все деятельные дхармы» [7]. Это означает, что все действия времен-

ны и иллюзорны, а добрые и злые действия не будут существовать вечно, поэтому мы должны выйти за рамки понятий добра и зла, отпустить навязчивые идеи и устранить жадность, чтобы достичь внутреннего мира и отстраненности.

В романе Лао Шэ «Рикша» [8], ставшем классикой китайской литературы XX в., описывается реальная жизнь людей, находящихся на социальном дне в период власти Гоминьдана в 20-е гг. XX в. Через изменения в судьбе главного героя Сянцзы демонстрируется уникальное понимание автором концепций добра и зла. Столкновения с несправедливостью превращают Сянцзе в «типичное порождение больного общества». Автор раскрывает страдания низшего класса общества (рикш) и уродство человеческой природы через опыт Сянцзы. Сянцзы был бедным крестьянином, который, как и многие другие, отправился в город на заработки. Но сколько бы он не работал, он был обречен столкнуться с бесконечным угнетением и эксплуатацией и невозможностью жить в достатке. Ради своих корыстных интересов господ, едущие в его коляске, могут по своему желанию не заплатить Сянцзы, а кто-то даже безжалостно отобрать заработанное. Действия этих господ, несомненно, демонстрируют зло в человеческой природе.

Конфликт добра и зла проходит через весь роман. Хотя Сянцзы терпел различные несправедливости, он всегда сохранял свой добрый и честный характер. Однако и ему пришлось преступить нравственные законы, прибегнуть к воровству, чтобы совершить добро: спасти из борделя любимую женщину. Это заставляет читателей задуматься об определении добра и зла: как сохранить моральную чистоту в экстремальных обстоятельствах? Но жертва Сянцзы оказалась напрасной: любимая бежала из притона и позже ее нашли повешенной в лесу, даже могилы ее нет – она зарыта где-то на свалке. Суровые реалии жизни научили Сянцзы, что порядочность и трудолюбие не имеют большого значения в этом прагматичном и жестоком мире. Он становится ленивым, дегенеративным и беспринципным бездельником, ничем не отличающимся от тех, на кого он смотрел свысока в начале своей жизни. Прогоревав, Сянцзы снова впрягается в коляску – и снова рикша выходит в город. Роман заканчивается мрачной картиной: Сянцзы смотрит на тощую собаку у лавки продавца бататов и сравнивает себя с ней: «...Сянцзы думал, что и сам он, как эта собака, мечтает только о том, как бы набить себе брюхо. Нет, лучше не думать! Жить кое-как, и все! И ни о чем не думать...» [8]. Не трудно понять, как закончится судьба Сянцзы, но у читателей сохраняется вера, что лучшая сторона его человеческой природы, его естественная доброта, поможет выжить и сохранить человеческое достоинство.

Роман современного писателя Юй Хуа «Жить» [9], вышедший в 1992 г., был назван в Ки-

тае в числе главных десяти книг десятилетия, а её автор получил мировую известность. В нем с глубокими эмоциями в минималистичном стиле в духе китайского модернизма 20–30-х гг. XX в. повествуется история жизни обычного фермера Фу Гуи, а через нее и судьба всего Китая во второй половине минувшего столетия. В жизни Фу Гуи мы видим жизненные невзгоды и страдания, но также силу и упорство его сопротивления жизненным обстоятельствам. В жизненном опыте Фу Гуи автор раскрывает некоторые глубокие представления о добре и зле.

Жизнь Фу Гуи была полна страданий и неудач, но он всегда сохранял любовь к жизни и доброту к людям. Его доброта выражается не только в любви и заботе о своей семье, но и в помощи друзьям и соседям. Даже сталкиваясь с трудностями и неудачами в жизни, он всегда придерживается своих моральных принципов, не совершает плохих поступков и не причиняет вреда другим. Однако жизнь вокруг Фу Гуи полна зла. Он испытал жестокость войны, был свидетелем того, как люди причиняли друг другу боль из корыстных желаний и даже пренебрегали жизнью и смертью других ради своих собственных интересов. Эти злые дела принесли ему глубокую боль и страдания. Однако Фу Гуи не был поглощен злом, он всегда сохранял стремление и веру в добро.

Юй Хуа выразил свое глубокое понимание добра и зла в романе. Он считает, что человеческая природа имеет как добрую, так и злую сторону. Люди часто совершают плохие поступки ради собственной выгоды, но это не значит, что в них нет добра. Люди могут вести себя доброжелательно, оставаться людьми, даже если такое поведение может причинять им боль и потери. Юй Хуа считает, что добро и зло не абсолютны, а относительны. Хорошее или плохое поведение человека зависит от среды и ситуации, в которой он оказался. Человек, кажущийся хорошим, может вести себя зло в определенных обстоятельствах, а человек, кажущийся злым, может вести себя по-доброму в других обстоятельствах. Только стойкие духом осознают необходимость следования добру как естественной основе человеческого миропорядка. Поэтому следует понимать сложность человеческой природы, а не просто делить всех на хороших и плохих, злых и добродетельных. Юй Хуа рассказал о сложной человеческой судьбе, на долю которой выпали и личные перемены, и перемены в стране в целом, которые герой пережил вдвоем с супругой, и несмотря ни на что, нашел силы жить дальше, просто жить. Это не сентиментальная история, не философская и не политизированная мораль, а просто человеческая судьба, сложная и непредсказуемая, и простая человеческая стойкость, природное следование добру, которые помогли героям выжить.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что в древних китайских текстах этика до-

бра излагается в аспекте философских суждений, постулатов и правил, которыми должно руководствоваться в жизни. В художественных произведениях современных авторов при явной склонности к классической китайской этике в духе Конфуция и Лао Цзы, авторы демонстрируют сквозь истории своих героев сложность взаимодействия понятий добродетели для одного человека с реальным положением добра в конкретной исторической ситуации, социальном окружении, безнравственных и жестоких отношениях людей друг к другу. Произведения Лао Шэ и Юй Хуа полны глубоких размышлений о морали, социальной ответственности и человеческой природе. Эти произведения иллюстрируют понимание и оценку добра и зла в изображении судеб персонажей, сумевших сохранить нравственное чувство и склонность к добру, несмотря ни на что. Поэтому романы «Рикша» и «Жить» также могут служить образцами морального вдохновения и призыва к социальной ответственности, как и трактаты древних философов, что подтверждает их высокую гуманистическую ценность и этическую направленность авторского мышления. В контексте этих произведений современных авторов остаются так же понятны моральные концепции

и гуманистический дух традиционной китайской культуры, которые помогают представить проблематику нравственно-этического состояния современного китайского общества.

В европейской традиции не наблюдается такой прямой преемственности. Современная европейская культура в целом не имеет единых четких ориентиров, ни религиозных, ни идеологических, ни эстетических. Европейцы утратили связь с многовековой христианской традицией, регулирующей представления об этике добра, добродетелях как категориях социального поведения, что, безусловно, сказывается на состоянии современных европейских сообществ, разнородных не столько политически, сколько ментально. Поэтому репрезентация этики добра во всем европейском культурном и литературном дискурсе предстает в столь неопределенном виде, в отличие от китайско-азиатского культурного пространства. В китайской культуре, несмотря на серьезные политические и идеологические сдвиги, многовековые этические традиции, закрепленные в учениях древних китайских философов, не утратили своего значения и влияют на индивидуальные авторские представления о добродетели и морали.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лоренц, К. Агрессия (так называемое зло) / К. Лоренц. – М.: Прогресс-Универс, 1994. – 272 с.
2. Флиер, А. Я. Добро и зло в культурно-историческом понимании / А. Я. Флиер // Информационный портал Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 3. – С. 17–36.
3. Пелипенко, А. А. Избранные работы по теории культуры. Культура и смысл / А. А. Пелипенко. – М.: Сoglasie, 2014. – 726 с.
4. Азмурзаева, Ф. И. Проблема соотношения добра и зла в истории философии (средневековье) / Ф. И. Азмурзаева. Этика, эстетика, логика. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sootnosheniya-dobra-i-zla-v-istorii-filosofii-srednevekovie/viewer> (дата обращения: 17.03.2025).
5. Переломов, Н. С. Конфуций. Лунь юй / Н. С. Переломов // Восточная литература. – 2001. – 180 с. – URL: <https://opentextnn.ru/old/data/files/konfut.pdf> (дата обращения: 17.03.2025).
6. Лао Цзы. Дао Дэ Цзин / Цзы Лао. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/laoczi/laoczi/dao/1.htm> (дата обращения: 16.03.2025).
7. Торчинов, Е. А. Алмазная сутра / Е. А. Торчинов // Введение в буддологию: курс лекций. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 304. – URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/torchinov_vvedenie_v_buddizm.pdf (дата обращения: 17.03.2025).
8. Лао, Шэ. Избранное / Шэ Лао // Мастера современной прозы. Перевод Е. Молчановой. – М.: Радуга. – 1982. – С. 17–182. – URL: <https://fantlab.ru/edition34359> (дата обращения: 17.03.2025).
9. Юй, Хуа. Жить / Хуа Юй. – М.: Текст, 2021. – 192 с. – URL: <https://www.litres.ru/book/uy-hua/zhit-20616623/> (дата обращения: 17.03.2025).

REFERENCES

1. Lorenc, K. Agressiya (tak nazyvaemoe zlo) / K. Lorenc. – M.: Progress-Univers, 1994. – 272 s.
2. Flier, A. Ya. Dobro i zlo v kul'turno-istoricheskom ponimani / A. Ya. Flier // Informacionnyj portal Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2015. – № 3. – S. 17–36.
3. Pelipenko, A. A. Izbrannye raboty po teorii kul'tury. Kul'tura i smysl / A. A. Pelipenko. – M.: Soglasie, 2014. – 726 s.
4. Atmurzaeva, F. I. Problema sootnosheniya dobra i zla v istorii filosofii (srednevekov'e) / F. I. Atmurzaeva. Etika, estetika, logika. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sootnosheniya-dobra-i-zla-v-istorii-filosofii-srednevekovie/viewer> (data obrashcheniya: 17.03.2025).
5. Perelomov, N. S. Konfucij. Lun' yuj / N. S. Perelomov // Vostochnaya literatura. – 2001. – 180 s. – URL: <https://opentextnn.ru/old/data/files/konfut.pdf> (data obrashcheniya: 17.03.2025).
6. Lao Czy. Dao De Czin / Czy Lao. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/laoczi/laoczi/dao/1.htm> (data obrashcheniya: 16.03.2025).
7. Torchinov, E. A. Almaznaya sutra / E. A. Torchinov // Vvedenie v buddologiyu: kurs lekcij. – SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2000. – S. 304. – URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/torchinov_vvedenie_v_buddizm.pdf (data obrashcheniya: 17.03.2025).
8. Lao, She. Izbrannoe / She Lao // Mastera sovremennoj prozy. Perevod E. Molchanovoj. – M.: Raduga. – 1982. – S. 17–182. – URL: <https://fantlab.ru/edition34359> (data obrashcheniya: 17.03.2025).
9. Yuj, Hua. Zhit' / Hua Yuj. – M.: Tekst, 2021. – 192 s. – URL: <https://www.litres.ru/book/uy-hua/zhit-20616623/> (data obrashcheniya: 17.03.2025).